

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ
С РОЛАНДОМ
БАРТОМ?

Сборник статей

Научная библиотека

Сборник статей

**Что нам делать с Роланом Бартом?
Материалы международной
конференции, Санкт-
Петербург, декабрь 2015 года**

«НЛО»

2018

УДК [82:1](092)Барт
ББК 87.3(4Фра)6-716.1л0(2СПб)

Сборник статей

Что нам делать с Роланом Бартом? Материалы международной конференции, Санкт-Петербург, декабрь 2015 года / Сборник статей — «НЛО», 2018 — (Научная библиотека)

ISBN 978-5-4448-1028-6

Книга содержит материалы международной конференции, организованной на факультете свободных искусств и наук СПбГУ в декабре 2015 года в ознаменование 100-летнего юбилея выдающегося французского писателя, критика, теоретика культуры Ролана Барта (1915–1980), творчество которого хорошо знакомо российскому читателю. Сегодня, спустя несколько десятилетий после его смерти, пришло время заново оценить значимость и применимость его наследия для современной культуры: что мы можем сегодня делать в ней, опираясь на идеи Барта? В конференции приняли участие исследователи из Франции, России, Бельгии, Швейцарии, Германии. Статьи зарубежных авторов печатаются в русском переводе. Книга предназначена студентам и специалистам по эстетике, философии, теории литературы, истории французской культуры XX века.

УДК [82:1](092)Барт
ББК 87.3(4Фра)6-716.1л0(2СПб)

ISBN 978-5-4448-1028-6

© Сборник статей, 2018
© НЛО, 2018

Содержание

Предисловие	6
Что нам делать без Ролана Барта?	7
Условие № 1	10
Условие № 2	11
Знание, наука, сциентизм	12
Тень подозрения, брошенная на дисциплины подозрения	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сборник
Что нам делать с Роланом Бартом?
Материалы международной конференции,
Санкт-Петербург, декабрь 2015 года

© С. Н. Зенкин, С. Л. Фокин, составление, 2018

© О. Волчек, В. Охнич, И. Попов, С. Рындин, пер. с франц. языка, 2018

© Д. Черногаев, рисунок на обложке, 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

Предисловие

Сегодня Ролана Барта часто воспринимают как писателя, а его книги – как литературные тексты неопределенного жанра (эссеистического, автобиографического), предназначенные для нетранзитивного, неинструментального чтения: ими можно наслаждаться, их интересно интерпретировать, в них проявляются вкусы, привычки, жизнеощущение их автора. Однако если некоторые поздние книги Барта действительно подходят под такое определение, он все же начинал свою карьеру как критик и теоретик (в его собственных терминах – не «писатель», а «пишущий»), его работы должны были служить целям научного исследования, социальной критики, самосознания литературы. Имеет смысл вновь обратиться к этой стороне его творчества и заново, в изменившемся научном, социально-политическом и культурном контексте, пересмотреть его наследие критика и семиолога. В какой мере оно сохраняет применимость для современной культуры, что мы можем сегодня *делать* в ней, опираясь на идеи Барта?

В России работы Ролана Барта традиционно читались как ответственные концептуальные высказывания, тогда как его поздние «литературные» произведения встречали сочувствие у приверженцев «постмодернизма», но одновременно и критику со стороны ученых-гуманитариев, видевших в них отступление от принципов рационального знания. Наследие Барта-теоретика в основном доступно в русских переводах, его идеи достаточно усвоены в русской интеллектуальной среде, поэтому в нашей стране уместно было организовать их коллективное обсуждение.

Попыткой такого обсуждения стала однодневная международная конференция «Что нам делать с Роланом Бартом?», которая состоялась в год 100-летнего юбилея Барта, 7 декабря 2015 года, на факультете свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета.

Участникам были предложены четыре основных направления дискуссии, четыре аспекта теорий Барта, актуальность которых предстояло критически проверить:

- семиология культуры (теория языка, знака и социального дискурса, функции знака в современном обществе и в идеологической борьбе);
- теория литературы (статус литературного письма, структура литературного текста, их исторические трансформации);
- семиотика и эстетика других искусств (живописи, фотографии, музыки, театра, кино);
- культуростроительные «утопии» Барта, постулируемые им дискурсивные проекты («наука о литературе», интегральное «письмо» в понимании 1970-х годов, возможная новая форма романа и т. д.).

В конференции приняли участие исследователи из Франции, России, Бельгии, Швейцарии, Германии. Координаторами проекта были Сергей Зенкин (РГГУ, Москва) и Сергей Фокин (СПбГУ, СПбГЭУ).

В настоящем сборнике публикуются статьи, написанные участниками конференции на основе своих докладов. Тексты зарубежных авторов переведены на русский язык. Некоторые участники конференции не представили своих статей, что заставило изменить порядок остальных текстов по сравнению с порядком докладов.

Что нам делать без Ролана Барта?

Филипп Роже

Национальный центр научных исследований, Высшая школа социальных наук
(Париж, Франция), Университет штата Вирджиния (Шарлотсвилл, США)

Вопрос, заданный нам организаторами: «Что нам делать с Бартом?» – вызывает у меня двоякую реакцию. Он мне кажется одновременно в высшей степени уместным и в высшей степени проблематичным.

Начнем с уместности.

Уместным этот вопрос является не только потому, что несомненно легитимно задумываться о «потребительной стоимости» текста в том смысле, как его понимал Барт (помимо удовольствия, которое он доставляет читателям). Он уместен еще и прежде всего потому, что вопрос прочтения Барта предстает в нем в самом что ни на есть бартовском свете: это вопрос о *настоящем времени*, что, по моему мнению, было главным для самого Барта.

Этот вопрос о настоящем подразумевается в названии и четко выражается в обосновании мотивов конференции: «В какой степени идеи Барта остаются рабочими по отношению к сегодняшней культуре, что мы можем в настоящее время *сделать*, опираясь на его идеи?» Собственно, именно это главный момент в представлении Барта об интеллектуальной работе – и, в частности, о его собственной. Порой мы теряли его из виду. Этот аспект затемнялся образами, пассаистски-ностальгическим Имаго – *поздним* (late, по выражению Зонтаг)¹, чуть ли не ретро-, – которое налепили на его последние книги. Думаю, нет ничего более ошибочного. Барт, как и Сартр, его первый «личный учитель» (по выражению Жилия Делёза)², был изначально привязан к настоящему всеми фибрами своего интеллектуального тела. И самая трудная задача для нас, рассуждающих о Барте, – особенно в юбилейном контексте 2015 года – не предать страсть к настоящему, которая одновременно руководила его отношением к литературе и его учением. Не то чтобы его внимание привлекали только современные произведения. Мы прекрасно знаем, что такого в помине не было, и, от Софокла до Шатобриана, он не переставал предаваться «удовольствию от классиков» – таково название одной из его первых статей³. Но даже читая «классиков», Барт имеет в виду читать их глазами своего века, слыша в ушах шум своего времени.

Именно в этом он больше всего похож на Сартра: вспомним призыв Сартра в знаменитой рецензии на «Внутренний опыт» Батая: по сути, призыв переизобрести эссеистическое письмо для настоящего времени, для «новых времен»⁴. И это переизобретение жанра эссе смог осуществить скорее Барт, нежели Сартр. Но сразу же добавим и сразу же уточним, что отношение Барта к настоящему не совсем такое, как у Сартра, – не конъюнктурное, открыто конъюнк-

¹ Слово late, примененное Сьюзен Зонтаг по отношению к «последнему» Барту в известной статье (Sontag S. Writing itself: on Roland Barthes // New Yorker. 1982. 26 Avril. P. 122), часто понималось неверно. Текст Зонтаг появился вскоре после смерти Барта, и late Barthes – это прежде всего «покойный Барт». Но этим прилагательным Зонтаг также стремилась обозначить позднюю фазу творчества Барта (1975–1980), отмеченную, по ее мнению, стилем «конца века» и интеллектуальным дендизмом.

² Deleuze G. Il a été mon maître // Arts. 28 novembre 1964; перепечатано в книге: Deleuze G. L'Île déserte et autres textes. Textes et entretiens 1953–1974 / Éd. par David Lapoujade. Paris, Minuit, 2002. P. 109–113.

³ Barthes R. Plaisir aux classiques // Existences. 1944; перепечатано в книге: Barthes R. Œuvres complètes / Nouvelle éd. revue, corrigée et présentée par É. Marty. Paris, Seuil, 2002. T. 1. P. 57–67.

⁴ «Современный роман, благодаря американским писателям, Кафке, Камю во Франции, нашел свой стиль. Осталось найти стиль эссе. И скажу также: стиль критики; поскольку признаю, что при написании этих строк я использую устаревший инструмент...» (Sartre J.-P. Un nouveau mystique // Cahiers du Sud. Février 1943; перепечатано в книге: Sartre J.-P. Situations, I. Essais critiques. Paris, Gallimard, 1947. P. 133). («Новые времена» – название журнала, созданного Сартром после войны. – *Примеч. ред.*)

турное, как в последней главе книги «Что такое литература?» (издана в 1948 году), которую Сартр озаглавил «Ситуация писателя в 1947 году». Как и у Сартра, хотя и в менее «интервенционистских» формах, отношение Барта к настоящему является по сути своей политическим – об этом позже, – однако этим отношением определяются также и его позиции по отношению к Литературе, чтению и литературной критике (для Барта это едино); и здесь его «скрытый Бог» – Поль Валери. (Слово «бог» использовано молодым Бартом в одном из юношеских писем 1932 года, опубликованном в нынешнем году, где он называет Валери одним из «богов музыки и поэзии» наравне с Бетховеном⁵.) Поль Валери требовал в свое время, чтобы литературное произведение читалось с акцентом на настоящее: он даже полагал, как минимум столь же радикально, как позже Барт, что его необходимо читать *только* так, в настоящем времени⁶.

В Барте, таким образом, соединяется сартровское требование включаться в это настоящее, где коренится наша «ситуация» (в том числе и политическая), и уверенность, появляющаяся уже у Валери, в том, что хороший читатель заставляет звучать все позднейшие отголоски произведения, в том числе непреднамеренные для автора: антифилологическая позиция, которая окажется в центре полемики между Бартом и Раймоном Пикаром вокруг Расина в середине 60-х годов. Можно сказать, что именно это требование «актуального» чтения заставит Барта отстаивать современность критики против Сорбонны – в традиции (не очень явной) Валери. Оппоненты Барта изобличали его «анахронизмы» в отношении Расина, а также его мнимое пренебрежение историей; в действительности бартовская критика живет и одушевляется интеллектуальным решением никогда не *приносить в жертву* настоящее. Для Барта необходимо, чтобы века беседовали, вступали в диалог и «накладывались» друг на друга. В книге «Посвящается Барту» литературовед и писательница Шанталь Тома, бывшая ученица Барта, пишет о его семинаре 70-х годов: «...Так, *в настоящем*, накладывались друг на друга века, перекликались школы, никто не запрещал госпоже де Севинье общаться с Вирджинией Вулф, так же как Саду встречаться с Лойолой»⁷. И прежде чем закончить эту преамбулу, позвольте мне процитировать еще одно юношеское письмо, на этот раз 1945 года, которое одновременно занятно и трогательно. Барт все еще живет в туберкулезном санатории, но он воспрянул духом и решил начать большую работу о Мишле (которая приведет к книге «Мишле о себе самом», 1954). И вот он признается одному из товарищей: «Большой вопрос, который сейчас меня беспокоит: является ли он [Мишле] (то есть и само исследование о нем) современным? Можно ли работать над Мишле и оставаться на нашей земле в 1945 году? Это главное. Ничего не поделаешь, нам не отделаться от нашей эпохи, единственной, в которой нам дано жить». Если ответ на вопрос будет отрицательным, то, добавляет Барт в комической и решительной манере, «я без всякой жалости отделаюсь от старого сатира»...⁸

Почему же творчество Барта с годами так хорошо сохраняется?

Множество понятий, которые в нем использовались, множество дебатов, в которые оно включалось, безнадежно устарели, как устарели и оказались забытыми многие из реалий, рассмотренных в «Мифологиях» 1957 года. Какой молодой француз знает в наши дни, что такое бутылка «Домениля», узнает актерские фотографии из студии Аркура или помнит, как выглядел Пьер Мендес-Франс? (Русские читатели благодаря комментированному изданию «Мифо-

⁵ Barthes R. Lettre à Philippe Rebeyrol du 30 août 1932 // Barthes. Album. Inédits, correspondances et varia / Éd. par Éric Marty avec l' aide de Claude Coste. Paris, Seuil, 2015. P. 31.

⁶ Valéry P. Au sujet d' Adonis // Valéry P. Variété. Paris, Gallimard, 1924. P. 96; об этом сходстве между Бартом и Валери и в целом об отношении Барта к классикам см.: Roger Ph. Barthes post-classique // Actes du colloque «Le classicisme des modernes. Représentations de l' âge classique au XXe siècle» / Dir. par J.-Ch. Darmon et P. Force // Revue d' histoire littéraire de la France. Avril 2007. № 2. P. 273–291.

⁷ Thomas Ch. Pour Barthes. Paris, Seuil, 2015. P. 42.

⁸ Barthes R. Lettre à Georges Canetti, 20 décembre 1945 // Barthes. Album. P. 72. «Старый сатир» – очевидно, Мишле. Барт имеет в виду позднюю свадьбу Мишле и юной Атенаис Миаляре, начавшую для историка «vita nova», – мотив, который Барт подхватит в нескольких текстах 1970-х годов.

логий», подготовленному Сергеем Зенкиным, знают об этом больше, чем наш француз...)⁹ Однако «Мифологии» сохраняют всю свою увлекательность в 2015 году, потому что, помимо предметов, мы находим в них работу мысли о настоящем и в настоящем. Предметы, дебаты, сами вопросы могли устареть (каким чудом они могли сохраниться в том же виде в 2015 году, что и в 1957-м?). Само творчество Барта, однако, не состарилось – и прежде всего потому, что оно все время диктовалось страстью к настоящему, что делает его для нас абсолютно современным.

Отсюда я перехожу ко второй своей реакции, второй и вторичной, то есть пришедшей на ум во вторую очередь, по размышлении.

Действительно, мне кажется, что заданный вопрос ставит нас перед двойной проблемой, которая, в свою очередь, подразумевает два предварительных условия.

⁹ Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 3-е изд. М.: Академический проект, 2014.

Условие № 1

Можно, конечно, – и это уже делалось – искать у Барта инструменты (понятия, концепты, теории, методологии). Однако такая логика «ящика с инструментами» (Фуко), такое «инструментальное» использование (повторяя термин, использованный во французской версии нашей программы) плохо согласуются с работой Барта-критика. Кроме того, возникает проблема, испытанная некоторыми его недавними «последователями»: приходится пользоваться инструментами, от которых сам Барт в каждой новой книге *всегда уже* отказался; и этот отказ является составной частью его способа работы как исследователя.

В этом смысле задаваться вопросом об *инструментарии* Барта – значит уже (на мой взгляд) терять контакт с тем, что его труды и его учение имели самого оригинального и живого. Поэтому я бы переформулировал вопрос или уточнил его, переориентировал бы его так, чтобы не *инструментализировать* Барта. Я искал бы у него не «инструменты» (зависящие от практико-инертного, как сказал бы Сартр), а «точки продуктивности» (выражение Барта), которые до сих пор активны для нас, способны смещать и продвигать вперед *нашу* собственную работу.

Условие № 2

То, что «мы делали бы с Бартом» сегодня, не должно повторять ни того, что делал сам Барт в 1950-х, 1960-х и 1970-х годах, ни того, что его современникам в те же десятилетия удалось сделать с ним, вслед за ним, в направлении, им проложенном. Пытаться сопутствовать Барту сегодня, оставаться его «единомышленниками» – значит контрафактически вообразить, как бы работал Барт сегодня – Барт, ставший столетним старцем, но все еще активный, деятельный, – а ведь такое могло бы случиться (взять хотя бы Клода Леви-Стросса). Чтобы что-то «делать» (faire) вместе с Бартом, чтобы он продолжал нас сопровождать в настоящем, необходимо, как говорят, «не считаться» (ne pas faire) с его смертью, не примиряться с нею. Надо игнорировать ее, делать вид, что ее не было.

Другими словами, не следует довольствоваться поисками в этом затворенном смертью творчестве «точек продуктивности», которые в нем размещены и многие из которых действительно способны порождать нечто новое; следовало бы также спроецировать во времени то, что он так и не написал, ориентируясь в направлениях, намеченных тем, что им написано. В общем, следовало бы взять на себя риск продолжить его творчество – и этот риск велик, поскольку оно всегда развивалось по спирали, но никогда по прямой. Следовало бы испытать нашу современную эпоху не только реальным творчеством Барта, но и творчеством несостоявшимся, виртуальным.

Среди «точек продуктивности», которые я попытаюсь описать, одни восходят к старым текстам – социальной критике 50-х годов, «структуралистскому приключению» 60-х, – а другие я буду выводить из отдельных замечаний, эскизов, «вспышек» последних лет; попытаюсь логически продолжить их, к чему, как мне думается, они способны.

Знание, наука, сциентизм

Текст программы приглашает нас вновь обратиться к Барту «концептуальных высказываний», Барту «точного знания». Вновь обратиться к нему, а главное, определить его вероятную актуальность в наши дни. Задача сложная. Скажем даже: *деликатная* (имеется в виду «принцип деликатности», украдкой присвоенный Садом и перенятый Бартом)¹⁰. Эту сложность легко проиллюстрировать. Она обнаруживается в простом сопоставлении двух формул, которые я только что назвал: «концептуальные высказывания» и «точное знание».

Действительно, с одной стороны, Барт не признает ни концепта, ни концептуализации; понятия, которые он предлагает или использует, он называет «псевдоконцептами» или даже «идеями-фразами»; концепты принадлежат философам, и Барт это отмечает со всей четкостью в рукописи своего последнего творческого начинания, названного «*Vita nova*»: «Никогда ни один философ мною не руководил»¹¹; но с другой стороны, Барт был глубоко убежден, что его литературная работа (более того, работа Литературы вообще) вполне способна производить «точное знание», что Литература является (или может быть) самой точностью и что критика должна быть достойна этой точности. (Эту идею точности литературы можно найти в последнем сочинении Итало Кальвино «Американские уроки».) Хорошо известно достославное, блестящее, скандальное заявление, сделанное Бартом во вступительной лекции в Коллеж де Франс: «Если бы в результате каких-то эксцессов социализма или варварства из преподавания пришлось бы исключить все наши дисциплины, кроме одной, то спасти следовало бы именно литературу, поскольку в литературном памятнике представлены все науки»¹². Вопреки доксе, согласно которой литература часто уподобляется чему-то расплывчатому, размытому, мимолетному и неуловимому, Барт всегда утверждал, что литература способна производить «точное знание»; она даже и призвана это делать, что, однако, не подразумевает концептуализации. Нам стоит принять это к сведению, если мы хотим рассуждать в бартовских терминах об отношении Барта к концепту и теории.

Сделаем еще один шаг вперед в объяснении, которое мне кажется необходимым для эффективности нашего диалога, и для этого еще раз вернемся к нашей программе. Действительно, я не совсем разделяю то, как в ней описан жизненный путь Барта. Цитирую: «он все же начинал свою карьеру как критик и теоретик (в его собственных терминах – не „писатель“, а „пишущий“), его тогдашние работы должны были служить целям научного исследования, социальной критики, самосознания литературы».

Два уточнения.

а) Начинаящий Барт не походил на «пишущего»: его «маленькие мифологии» широко расходились по французским литературным журналам именно потому, что в них узнавался писательский почерк; и Морис Надо, который первым опубликовал Барта (в газете «Комба» в 1947 году), представлял его не как университетского преподавателя (которым он не был), не как научного работника (которым он не был), не как философа (которым он не был), не как ученого или специалиста, но просто как «неистового любителя языка»¹³.

б) Второе уточнение: Барт, конечно, был ангажированным критиком в своих статьях о театре 50-х годов и «маленьких мифологиях»; но уже сложнее было бы определить его критическую ангажированность в первой книге «Нулевая степень письма», которая написана под знаком двух противоречащих друг другу влияний – с одной стороны, Сартр, дрейфующий

¹⁰ Barthes R. Sade, Fourier, Loyola [1971] // Barthes R. Œuvres complètes. T. III. P. 849.

¹¹ Barthes R. Vita nova, f° daté du 22 août 79 // Barthes R. Œuvres complètes. T. V. P. 1011.

¹² Barthes R. Leçon [1978] // Barthes R. Œuvres complètes. T. V. P. 433.

¹³ Nadeau M. Combat. 1er août 1947.

к марксизму, с другой – Бланшо (с явным преимуществом Бланшо). Вместе с тем Барт не «начинал свою карьеру как теоретик»; он начинал ее как вечный студент, собирающий заметки о Мишле, и как журналист, пишущий на темы культуры («маленькие мифологии», равно как театральная критика, относились к культурной журналистике того времени, то есть к журналистике очень высокого уровня); со временем он стал успешным эссеистом, опубликовав отдельными книгами хроники, из «Комба» («Нулевая степень письма») и биографический очерк «Мишле о себе самом», вышедший в серии «Вечные писатели» (заметки, собранные для предполагаемой научно-университетской работы, вылились в совершенно личностное и всецело антиакадемическое эссе, вызвавшее бурю негодования среди профессоров литературы). Барт придет к теории позже, или же теория придет к нему.

Напоминая об этом, я не стремлюсь преуменьшать интерес Барта к теоретическим размышлениям о языке и письме, это было бы нелепо: я хочу просто напомнить, что этот интерес не был для него первичным; его первым и постоянным интересом был двойной вопрос, казавшийся ему неразрешимым: о *безвластии литературы* и *властности языка*; этот двойной вопрос присутствовал уже в теме его первой научной работы «Заклинания в греческой трагедии». Я хочу просто подчеркнуть, что интерес к теории был для него вторичным, пожалуй даже поздним и преходящим. Добавим, что на стадии сотрудничества Барта с журналом «Тель кель» в выражении «Теория текста» (с заглавной Т, по крайней мере в слове «Теория») «теория» не соотносилась ни с научным, ни с философским использованием термина, оно играла роль возбуждающего средства, возбудителя: задачей было не построить систему или метод, но распаковать текст (и чтение текстов) для «означивания» – понятия, которое было предложено Юлией Кристевой и должно было остаться, как полагал Барт, неопределимым. Таким образом, «Теория текста» была теоретической только в весьма метафорическом смысле и по способу своего действия сближалась скорее с негативной теологией, чем с процедурами научного познания...

Короче говоря, исходный импульс Барта не был ни «теоретическим», ни научным; это скорее импульс *герменевтический* (не имея в виду какой-либо конкретной герменевтической школы). Он сам резюмирует его очень просто: «я хочу понимать». Все понимать. Я хочу понять формы власти языка – и поэтому буду изучать заклинания в греческой трагедии, расшифровывать французский популизм через «высказывания г-на Пужада» и состояние социальных отношений во Франции 50-х годов через дискурс прессы о забастовочном движении или иконографию аббата Пьера¹⁴; буду анализировать «войну языков», «запугивание языком», фигуры обмана, высокомерия, «*столкновения языков*»¹⁵. Но я хочу также понять, почему, находясь в деревне, я регулярно хожу мочиться в сад... И хочу понять природу страха, что гложет меня, когда я влюблен и жду не дождусь телефонного звонка, который никак не раздается.

Обобщенность этого желания понять, размах жеста, широта охваченных культурных ресурсов – все это радикально, фундаментально отделяет «искания» Барта от социально приемлемых форм «научных исследований», то есть от вписанности в какой-то однородный и размеченный дисциплинарный контекст.

Это значит также, что лишь по глубокому недоразумению так называемому «позднему» Барту вменяют в вину отречение от строгой научности и переход к лихому эготизму. (Вспомним попутно, что отрицание «эготизма» является постоянным мотивом Барта, о чем вновь и вновь говорится в его последних текстах о романе – особенно в посмертно вышедшей статье о Стендале¹⁶.)

¹⁴ См. в «Мифологиях» (1957): «Несколько высказываний г. Пужада», «Забастовка и пассажир», «Иконография аббата Пьера».

¹⁵ См. также: Барт Р. Война языков // Избранные работы: Семиотика; Поэтика / Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 535–541; а также раздел «Le conflit» в книге: Barthes R. Le Neutre. Notes de cours au Collège de France 1977–1978 / Texte établi, annoté et présenté par Thomas Clerc, Paris, Seuil / IMEC, 2002. P. 165–166.

¹⁶ Barthes R. On échoue toujours à parler de ce qu' on aime // Barthes R. Œuvres complètes. T. V. P. 906–914.

Следует, напротив, отметить, что для Барта начала 70-х годов критиковать «мечту о научности», которая покоилась на имплицитной или эксплицитной идее исчерпывающей полноты (в случае структурного анализа повествования) и на исключении субъекта (исключении, впрочем, противоречивом, так как начиная с 60-х годов Барт работал над выдвижением другого субъекта – *читателя*), – это тоже был научный жест. Это обстоятельство справедливо подчеркивается в одной из книг о Барте, вышедших в нынешнем юбилейном году во Франции, – в «Письме Ролану Барту» Жана-Мари Шеффера, где «реабilitируется» структуралистская часть наследия Барта и его стремление к научности, но также и показывается, как теоретическая мысль Барта, развиваясь и вбирая в себя научного субъекта, включая его «в» науку, выливается в последние годы не в отречение от практики «структурного анализа», но в новаторское (крайне актуальное, согласно Шефферу) сближение структурализма с проблематикой «герменевтического круга»¹⁷.

Со своей стороны я хотел бы подчеркнуть неизменно *критическое* и *тактическое* отношение Барта к науке и теории.

Критическое: ибо гений Барта заключался в постоянном стремлении опробовать различные методы и теории, испытывать их (тематическая критика в «Мишле о себе самом»; семантико-социальный анализ в «Мифологиях»; более или менее структуралистский фрейдизм или более или менее фрейдистский структурализм в книге «О Расине»; нарратология, разлетающаяся на куски в процессе означивания, в «S/Z» и т. д.) и затем предлагать (зачастую сразу же, в предисловии или послесловии к самому сочинению) их методологическую и теоретическую критику. В этом отношении Барт был не строителем теорий (скорее сеятелем теоретических идей), но замечательным, весьма трезвомыслящим эпистемологом теоретических практик своего времени. И эта ясность ума (не меньше, чем забота о том, чтобы не повторяться) двигала его от книги к книге, от одной методологической позиции к другой, от одного теоретического выбора к другому. В конце этого случайно оборвавшегося движения, в «Camera lucida», содержится его последнее теоретическое положение, которое стоит принять всерьез при всей его провокативности: «а почему, собственно говоря, не может быть отдельной науки для каждого объекта?»¹⁸ Разве не скандально это предложение «*Mathesis singularis* (а не *universalis*)»?¹⁹ Во всяком случае, отмечу, что один наш современник, который стал, похоже, главным современным, Брюно Латур, высказывает схожие вещи, не вызывая особого волнения: «...В нашей дисциплине [социологии] каждый новый предмет требует, чтобы с ним обращались по-новому в особом тексте»²⁰.

Я также говорил о *тактическом* отношении к науке: действительно, Барт взывает к «научности», чтобы исправить перекося, заново поставить вопросы. Так, в 50-е годы он обращается к науке о текстах, выступая против лансоновской истории литературы и критического субъективизма; в конце 60-х годов он противопоставляет «Теорию текста» строгой и «асимволичной» филологии, которая «останавливает смысл» (филологии Пикара и Сорбонны). И наоборот, опять-таки для исправления перекося, в эпоху сциентистской эйфории, в самый разгар институционального триумфа социальных наук (триумфа, которому он сам содействовал) он апеллирует к Ницше, выступая против сциентизма; вслед за Ницше он утверждает необходимость «утончения» науки и вводит понятие, которое останется для него центральным, – понятие «*нюанса*». Нет науки без нюанса, учит Барт. В этом скромном слове *нюанс* я вижу одну из тех «точек продуктивности», которые мы и ищем.

¹⁷ Shaeffer J.-M. Lettre à Roland Barthes. Paris, Thierry Marchaisse, 2015. P. 70.

¹⁸ Барт Р. Camera lucida. М.: Ad Marginem, 1997. С. 17.

¹⁹ Там же.

²⁰ Latour B. Comment finir une thèse de sociologie // Revue du MAUSS. 2004. № 24. P. 90.

Поменялся ли для него враг? Ни в коей мере. От близорукого лансонизма старой Сорбонны и «верной казни»²¹, которой обречены современные сциентисты (например, структуралисты-нарратологи, которые хотят установить исчерпывающую номенклатуру «бесчисленных повествований мира»)²², это один и тот же враг, которого видит перед собой Барт, вешая на него двойной ярлык *сциентизма* или, что то же самое, *позитивизма*.

Изменился ли враг для нас сегодня?

Я сомневаюсь, ибо в моей собственной Школе (то есть в Высшей школе социальных наук, в школе Барта) аспиранты по литературе отныне (уже год) регистрируются под обязательной и ничуть не *нюансированной* рубрикой «Литературные науки». Не говоря даже об этом именовании, в котором лишь отражается новая университетская *докса* и гегемония «жесткой» научной модели даже в литературоведении, Барт мог бы нам помочь в анализе и, возможно, в сопротивлении куда более навязчивым (и угнетающим) формам позитивизма, будь то когнитивные науки или некоторые цифровые технологии в гуманитарных науках. Держу пари, что тот же Барт, который в начале 60-х годов ратовал за «статистические» подходы в исследованиях лексики (например, политической лексики 1848 года, если взять одну из тем его работы в Национальном центре научных исследований), сегодня первым предостерег бы от миражей *big data* в *digital humanities*, отстаивая качественные подходы и «нюансы». Опять-таки для исправления перекоса....

Завершая это отступление, можно вспомнить Рабле и его слова «Наука без совести – гибель души». Барт написал бы это иначе. Примерно так: «Наука без нюансов – гибель смысла».

²¹ Вспомним строчку из Рембо («Вечность»): «К науке через терпение. Верное казнение», процитированную на первой странице «S/Z».

²² Barthes R. Introduction à l'analyse structurale des récits [1966] // Barthes R. Œuvres complètes. Т. II. Р. 828.

Тень подозрения, брошенная на дисциплины подозрения

Мое второе положение будет намного короче: я лишь обозначу направление, которое могло бы принять его развитие.

Речь идет о том, что критическая рефлексия Барта в области эпистемологии осуществлялась не только в борьбе с обозначенными выше оппонентами, но также и в ущерб тем методологиям, теориям и новым критическим практикам, которые он сам помогал популяризировать. Этот аспект интересует нас ничуть не меньше; он нас интересует даже больше, поскольку многие из этих подходов продолжают процветать вплоть до нашего времени. Не стану разбирать в деталях каждую из этого ряда рабочих переоценок той или иной методологии, предпочтительнее будет показать общую логику бартовского теоретического саморевизионизма. Этот процесс можно в общем описать так: в эру подозрения, что приходится на 50–80-е годы, Барт стал одновременно и одним из самых блистательных «подозревателей» – где найдется больше подозрительности, чем в «Мифологиях»? – и в то же самое время самым ясномыслящим деконструктором идеологии подозрения. Он был одним из первых, кто увидел ограниченность этого упражнения, идет ли речь о социальной демистификации, политической дешифровке семиотических манипуляций или истолковании идеологически нагруженных образов. То, что «мифологическая» формула, которую он изобрел, отработала свое, стало ему ясно очень быстро (начиная с послесловия и примечаний к «Мифологиям»). Он сознавал, что эта «формула» держалась исключительно на идеологической предпосылке, в рамках околomarксистской критики идеологии. А стремительные преобразования постмодернистских конфигураций должны были сделать ее неэффективной и малополезной. Не только потому, что общество перестало производить «большие нарративы» (по Лиотару), которые порождают «маленькие мифологии», но также и потому, что оно начало следить за своим языком и образами, совершенствовать свои мифологические изделия, а главное – иронизировать над ними. (Яркий пример тому – эволюция рекламы во Франции.) В общем и целом, «Мифологии» и порожденная ими критическая традиция выиграли партию; но, выиграв ее, они потеряли свою ударную силу перед лицом таких фигур, которые или искусно прячутся, или прикрываются самоиронией (как реклама после 1968 года), или же, наоборот, афишируют себя так откровенно, что не дают ни места, ни шанса на какую-либо дешифровку (например, популистский и ксенофобский политический дискурс Национального фронта, который «говорит вслух то, что люди думают про себя»). Хитростью или грубостью эти дискурсы выбили почву из-под ног новоявленных мифологов, которые хотели бы подхватить факел, оставленный Бартом. Уже лет тридцать-сорок, как во Франции нет ни одной газеты, где бы не было собственной более или менее «мифологической» хроники; ни одной радиостанции или телеканала, где бы не было регулярной программы «дешифровки» (они как раз самые популярные!). И подобно тому, как самую большую выгоду из семиотических исследований рекламного образа извлекли рекламщики, а отнюдь не критики консюмеризма, так же и неомифологическое производство в политической и идеологической сфере достаточно эффективно усовершенствовалось через раздвоение, самоиронию, и его больше не уличить в *мифологизации*.

Барт принял к сведению эту перемену конфигурации: сначала отказавшись от написания «маленьких мифологий» левого движения, которые он одно время планировал; затем, в середине 70-х годов, отказавшись воскрешать прежнюю формулу в хрониках для журнала «Нуэль обсерватор» и быстро оставив этот проект, превратившийся в обычные вкусовые заметки.

Значит ли это, что Барт, как это часто повторяют, оказался под конец своего пути «деполитизированным»? Я убежден в обратном – и разделяю (по крайней мере, в этом аспекте) точку зрения Филиппа Соллерса: видение мира Бартом, его манера мыслить мир всегда были

глубоко политизированными²³. Это очевидно всякому, кто читает его последние лекционные курсы с многочисленными отступлениями о политическом состоянии Франции, о *политическом* кризисе литературной культуры и т. д. Барт здесь вновь использует свою любимую историографическую схему раздела французской истории надвое между двумя революционными движениями 1848 года, февральским и июньским, который развел по разные стороны республиканскую и патриотическую мелкую буржуазию и пролетариат. Барт прослеживает последствия этого раздела вплоть до культурных политик 1970-х годов, когда правые (находившиеся у власти без перерыва с 1958 до 1981 года) передали управление всей сферой культуры новой интеллектуальной мелкой буржуазии. В этом Барт усматривает одну из прямых причин «заброшенности» Литературы, которую никто, ни один класс больше не поддерживает. Мне представляется, что этот анализ, намеченный в 1979 году, остается актуальным и его необходимо помнить при нашем собственном анализе состояния культуры, или «Культурного государства» (если перенять заголовок памфлета Марка Фюмароли, направленного против культурной политики левых и вышедшего в свет через несколько лет после смерти Барта)²⁴.

Именно в этом контексте следует понимать один из последних призывов Барта к очень странной мобилизации: в защиту Фразы, ради спасения Фразы. Фраза, говорит Барт (в написанной, но не произнесенной части его лекции 10 марта 1979 года), – это «проблема общества». Вот этот удивительный пассаж: «Будущее Фразы: это проблема именно общества, при том что ни в одном из социальных прогнозов она не учитывается»²⁵. Фраза, как подчеркивает Барт (ссылаясь на Флобера), ни в коем случае не «красивый стиль». Это что-то более основополагающее для Литературы: поскольку Фраза, говорит Барт, – «наша наставница: она ведет, она научает, прежде всего Желанию <...> но также и *Нюанс*

²³ «Я буду восхвалять его *политически*, поскольку он всегда именно так видел основание своей жизни» (Sollers Ph. L' Amitié de Roland Barthes. Paris, Seuil, 2015. P. 11).

²⁴ См.: Fumaroli M. L' État culturel. Paris, Lgf – Le Livre de poche, 1991.

²⁵ Barthes R. La Préparation du roman I et II. Cours et séminaires au Collège de France (1978–1979 et 1979–1980) / Texte établi, annoté et présenté par Nathalie Léger. Paris, Seuil / IMEC, 2003. P. 150.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.